

СЕКРЕТ ВОЛШЕБСТВА

Творческое наследие народного артиста СССР, лауреата Государственной премии СССР профессора Василия Александровича Орлова (1896—1974) представляет несомненный интерес для самого широкого круга читателей. Его статьи, письма, режиссерские записки, которые собраны в сборнике, подготовленном Государственным институтом театрального искусства имени А. В. Луначарского, раскрывают общественную, художественную значимость творческого поиска старшего поколения мхатовских актеров, их заботу о сохранении высокого предназначения Художественного театра. Мы выбрали неопубликованную статью В. А. Орлова, написанную им в шестидесятых годах, предлагаем ее, с незначительными сокращениями, вниманию читателей.

В 1900 году в театре читали «Чайку». «Если бы ты незримо присутствовал...», — писал Немирович-Данченко Чехову, — ...ты был бы свидетелем такого растущего, захватывающего интереса, такой слуховой вдумчивости, таких толкований и такого общего нервного напряжения».

Двенадцать лет спустя Владимир Иванович писал Станиславскому: «До чего же атмосфера нашего театра сильна...» (выделено Немировичем. — В. О.).

Письма Чехова. То же самое — глубокое уважение, преклонение перед людьми, сплоченными светлой, большой, воистину чеховской идеей: людям, народу нужно новое искусство! То же взволнованное, лирическое удивление МХАТом и в словах многих-многих других: Всеволода Иванова, Александра Афиногенова, Леонида Леонова...

Вот в чем, по-моему, секрет волшебного искусства Московского Художественного академического театра. В идейном единомыслии всех, имеющих к нему малейшее отношение, в постоянном творческом горении, в кипучем гражданском темпераменте.

...Искусство, дело — превыше всего на свете. Спорили порой две могучие натуры — Станиславский и Немирович-Данченко, конфликтовали — и не расходились. Не могли разойтись — для обоих их детище, их театр был всегда впереди любых других соблазнов, жизненных благ. И за учителями шли ученики. Я никогда не забуду, каким сплоченным, спаянным был коллектив нашего театра, захваченный войной в Минске. Я помню Москвину, отказавшегося уехать на персонально предоставленной ему машине. Я помню заботливый глаз Н. Дорохина, чуткого товарища, настоящего мхатовца. Я помню чудесно тонкого Дмитрия Орлова. Это были разные люди, как и Качалов, Леонидов, Хмелев, Добронравов, но глубоко преданные искусству, освещенные изнутри огнем этой немеркнувшей преданности. Их преданность постоянно черпала силы из крепкой творческой, деловой спайки в работе и жизни, какая была в Художественном театре. И работа их давала блистательные результаты благодаря полному духовному единству. За 40 лет в театре я не видал ничего более стройного, чем МХАТ при Станиславском и Немировиче. Сейчас для меня Художественный театр продолжает быть одним из организованных коллективов. Но где-то утеряно начало

всецелого взаимопонимания, рожденное непрерывным необходимым горением во имя творческой идеи, осознанной и прекрасной. Нет поэтому теперь и той слаженности в работе, что всегда отличала Художественный театр.

Оглянувшись, нельзя не увидеть, разумеется, рубежа: умерли Константин Сергеевич и Владимир Иванович — и в театре стало худо. Нет, происходил сложный, мучительный процесс внутри театра, долгий и подспудный. Мы — «старики», дирекция, — чувствуя какое-то неблагополучие, не сидели сложа руки, может быть, недостаточно смело, но пытались выяснить причины творческого спада. Еще четыре года назад я верил, что брожение в МХАТе можно побороть самому коллективу, что это вопрос внутренней жизни театра. Сейчас я убежден, что в борьбу за МХАТ должна включиться наша общественность.

Вспоминаю слова Владимира Ильича Ленина: «Если есть театр, который мы должны из прошлого во что бы то ни стало спасти и сохранить, — это, конечно, Художественный театр». Театр, воспитавший поколения людей, символ гражданственности для миллионов у нас и за рубежом, театр Чехова, Горького, Афиногенова, Леонова надо **сохранить!** Во что бы то ни стало!!!

Мне довелось посмотреть один из недавних спектаклей «Третьей патетической». То же чудо — та же напряженная бодрая атмосфера, то же творческое состояние актеров и зрителей. Еще бы — спектакль о великом Ленине! Но бывают спектакли, на которые артисты идут, как на службу. Рабочие медлительны, капельдинеры сумрачно неприветливы. В такие дни побеждают равнодушные, прозаические текучесть, невиданные во МХАТе. Из театра уходит аромат искусства, напряженность идей. Спектакль может идти в первый и в шестисотый раз, актеры могут играть неподражаемо (я уверен, что нет коллектива, талантливее мхатовского) — чуда не происходит. Отчего?

«Когда дух поэзии отлетает от кулис (читай: от обстановки в театре. — В. О.), от администрации, от выходов на сцену (читай: от коллектива актеров. — В. О.), — отлетит и от спектакля», — писал основатель и вдохновитель МХАТа Вл. И. Немирович-Данченко. В этом — разгадка, разгадка очевидная и в прошлом, и в настоящем. На чем жи-

делась поэзия творческого волнения мхатовцев, как цементировался мхатовский коллектив? На драматургии Толстого, Чехова и Горького. В работе Тренева, Афиногенова, Леонова. Актеры были убеждены в насущной необходимости именно этих имен, именно таких прочтений. Немирович чутко улавливал желания актеров, направлял их к высокоидейной и высокохудожественной драматургии. У Владимира Ивановича был список пьес для МХАТа... на сто лет. И я уверен, что в их адрес не прозвучала бы и внутри театра критика, подобная выступлению Золотухина в журнале «Театральная жизнь» о «Точке опоры». Я уверен, что Немирович почел бы для Художественного театра стыдным выпустить «Цветы живые» через год после Театра им. Ленинского комсомола, а «Над Днепром» — через полтора года после Киевского театра им. И. Франко. Театр знал, что ему нужно, а что нет, стремился вовремя сказать нужное слово — и сплывалось, приобретая в работе над своими драматургами свой, «мхатовский» почерк и дух...

У Вахтангова при его поступлении в МХТ Немирович-Данченко спросил: «Что Вы хотите и нам дать и что хотите получить от нас?» Вот постановка вопроса — имеет ли право актер именоваться мхатовским. И Вахтангов имел на это право: он, как и многие другие, пришел учиться у МХТа. В то время внутри театра билась пытливая мысль. Стакивались в дискуссиях люди своеобразных художественных принципов, стремившиеся овладеть искусством МХТа (я уже забыл, когда в последний раз была в Художественном театре творческая дискуссия). Они искали себя, но их роднила одна идея — служить искусством народу. Потому и вышли из МХАТа на простор самостоятельных поисков Мейерхольд и Вахтангов, Марджанов и Попов, Дикий и Берсенов. Они все были идейными сыновьями Станиславского и Немировича.

Времени, душевных сил на глубокую, истинно мхатовскую работу в театре и для театра прямо-таки не остается. Константин Сергеевич при мне запретил Баталову сниматься в кино, потому что он был твердо уверен: во МХАТе можно работать, лишь полностью посвятив себя театру. Уж таков МХАТ. И это понимал Хмелев. «сгоревший» на работе, умерший на сцене, но не понимают некоторые молодые артисты МХАТа. Порой «я в искусстве» слишком занимает умы актеров, молодых, да и в возрасте.

Что же делать для того, чтобы ожить забытые традиции, основы подлинного МХАТа? Нужно создать «школу на ходу», заставить коллектив работать не покладая рук, тренироваться и совершенствовать психологическое мастерство.